

Дарья Сергеевна ПЕТРОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0009-0001-3653-486X

Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

младший научный сотрудник кафедры гражданского права Юридического факультета

daria-s-petrova@yandex.ru

Научная статья

УДК 347.637

ОГРАНИЧЕНИЕ И ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ДОМАШНИМ НАСИЛИЕМ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Лишение родительских прав, ограничение родительских прав, семейно-правовая ответственность, домашнее насилие, профилактика домашнего насилия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, основные результаты которого представлены в настоящей статье, были проанализированы наиболее значимые доктринальные вопросы ограничения и лишения родительских прав как способов борьбы с домашним насилием. В современных реалиях проблема домашнего насилия, включая жестокое обращение с детьми, не теряет своей значимости, что подтверждает актуальность проведенного исследования. *Методы.* Сформулированные выводы базируются на результатах мониторинга литературы (научных источников), в которой ограничение и лишение родительских прав рассматриваются как способы противодействия домашнему насилию. *Результаты.* По мнению автора статьи, в настоящее время изучаемая проблематика доктринально разработана очень слабо. В российском праве нет единого понимания того, что такое «домашнее насилие». К счастью, это обстоятельство пока не оказывает сколь-либо существенного негативного влияния на практику. На уровне закона не решен вопрос о квалификации осуждения родителя с избранием ему наказания в виде лишения свободы в качестве основания для ограничения (лишения) родительских прав. Сейчас суды решают его, исходя из фактических обстоятельств конкретного спора об ограничении (лишении) родительских прав. Автор считает, что сегодня уже пора начать обсуждение возможности признания лишения родительских прав в качестве наказания или иной меры уголовно-правового характера в случаях совершения некоторых преступлений. Это предложение требует детальной и глубокой проработки, но без его принятия эффективно противодействовать домашнему насилию будет достаточно сложно.

ВВЕДЕНИЕ

В современных реалиях проблема домашнего насилия, включая жестокое обращение с детьми, не теряет своей злободневности. Это подтверждается и новостной повесткой, и результатами исследований последних лет [1, с. 96-98]. В таком контексте становится важным ответ на вопрос о том, какими правовыми инструментами можно защитить ребенка и его интересы и обеспечить благоприятные условия для его развития.

Одним из механизмов защиты детей являются нормативные положения об ограничении и лишении родительских прав. Вместе с тем необходимо отметить, что эти правовые инструменты недостаточно глубоко исследованы в аспекте борьбы с домашним насилием: нередко ребенок по-прежнему оказывается в какой-то мере заложником (или жертвой) действий родителей, которые порой не отвечают даже базовым требованиям безопасности и уважения личности. Перечисленные обстоятельства обусловили актуальность проведения исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

МЕТОДЫ

В 2024-2025 годах нами был осуществлен мониторинг литературы, посвященной вопросам

ограничения и лишения родительских прав как способов борьбы с домашним насилием. Мониторинг стал вторым этапом исследования правового регулирования противодействия домашнему насилию в Российской Федерации. В рамках первого этапа анализировались материалы рассмотренных и разрешенных в 2019-2023 годах судами дел, в которых ставились вопросы об ограничении и лишении родительских прав. Полученные тогда данные [2] подтверждают не только значимость, но и сложность решения проблем, связанных с домашним насилием, посредством применения изучаемых нами правовых инструментов.

В статье обобщены итоги второго этапа исследования, описаны доктринальные проблемы, возникающие в связи с востребованностью институтов ограничения и лишения родительских прав в качестве способов борьбы с домашним насилием, совершаемым в отношении детей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Домашнее насилие:

проблемы определения и содержания

В ходе анализа научной литературы нами было установлено, что в доктрине имеет место мнение о том, что «домашнее насилие» и «семейное насилие» – разные явления, и потому соответствующие

Daria S. PETROVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0001-3653-486X
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
Research Assistant at the Civil Law Department of the Law Faculty
daria-s-petrova@yandex.ru

RESTRICTION AND DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS AS METHODS OF COMBATING DOMESTIC VIOLENCE

KEYWORDS. Deprivation of parental rights, restriction of parental rights, family legal responsibility, domestic violence, prevention of domestic violence.

ANNOTATION. Introduction. In the course of the study, the main results of which are presented in this article, the most significant doctrinal issues of restriction and deprivation of parental rights as methods of combating domestic violence were analyzed. In modern realities, the problem of domestic violence, including child abuse, does not lose its significance, which confirms the relevance of the study. **Methods.** The formulated conclusions are based on the results of monitoring the literature (scientific sources), in which restriction and deprivation of parental rights are considered as methods of combating domestic violence. **Results.** According to the author of the article, at present the studied problem is very poorly developed from a doctrinaire perspective. In Russian law, there is no single understanding of what «domestic violence» is. Fortunately, this circumstance does not yet have any significant negative impact on practice. At the legal level, the issue of qualifying the conviction of a parent with the choice of a punishment in the form of imprisonment as a basis for restricting (depriving) him of parental rights has not been resolved. Now the courts decide it based on the factual circumstances of a particular dispute about the restriction (deprivation) of parental rights. The author believes that today it is time to start discussing the possibility of recognizing deprivation of parental rights as a punishment or other measure of a criminal-legal nature in cases of certain crimes. This issue requires detailed and in-depth study, but without this it will be quite difficult to effectively combat domestic violence.

понятия разграничиваются исследователями. На наш взгляд, с учетом буквального толкования закона и интересов правоприменения такое разделение едва ли целесообразно и обосновано. В связи с этим мы предлагаем рассматривать термины, используемые для обозначения двух этих понятий, как синонимичные.

С точки зрения Всемирной организации здравоохранения, насилие представляет собой «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб (либо имеется вероятность причинения этого)» [3, с. 5]. Иными словами, насилие может осуществляться не только путем применения физической силы, что представляет собой классический его вид, но и в иных формах, включая психическое и эмоциональное воздействие. В научной литературе к числу его разновидностей относят физическое, психологическое и сексуальное насилие, «пренебрежение основными потребностями ребенка, а также духовное, коммерческое и интернет-насилие» [4, с. 15]. В таком контексте насилие отождествляется с жестоким обращением с ребенком [4, с. 15].

Очевидно, что домашнее насилие в ряду его видов выделяется по условиям, в которых оно осуществляется. Таковыми является обстановка места проживания [2, с. 51]. В связи с этим, по мнению некоторых исследователей, необходимо проводить разграничение между домашним насилием, с одной стороны, и семейным насилием – с другой. «Домашнее насилие – пишет Ю.Ф. Беспалов, – самое ёмкое понятие, включающее в себя

и семейное, и гендерное, и иные модели насилия. Домашнее насилие есть причинение физического, психического, умственного вреда одному либо нескольким лицам (потерпевшим), проживающим с насильником в одном жилом помещении либо случайно оказавшимся с насильником, например, вторгшимся в дом, а также создание угрозы причинения такого вреда любыми действиями (бездействием) насильника». Семейное же насилие он рассматривает как причинение физического, психического, умственного вреда либо создание угрозы причинения такого вреда одним членом семьи (одними членами семьи) другому ее члену (другим членам) различными действиями или бездействием [5, с. 21-22]. Таким образом, дифференциация домашнего и семейного насилия проводится по субъектам, участвующим в его осуществлении (причинитель вреда и потерпевший), и месту, в котором совершается акт насилия.

Важно иметь в виду, что ни один федеральный закон не оперирует категориями «семейное насилие» и «домашнее насилие». Анализ нормативных положений, касающихся лишения родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)), показывает, что в них упоминается насилие, но речь идет исключительно о физическом или психическом насилии, имеющем место строго в отношениях «ребенок – родитель». Иными словами, споры о содержании понятия «насилие» в данном случае едва ли могут возникнуть (разве что по поводу выяснения, является ли какой-то конкретный акт физическим или психическим насилием, но ответ на этот вопрос не входит в задачу нашего исследования), так как законодатель максимально исключает пространство для противоречий.

В связи с этим есть основания утверждать, что выделение видов насилия, разграничение категорий «семейное насилие» и «домашнее насилие», обоснование его критериев – это по большей части доктринальные изыскания, не влияющие на правоохранительную практику и разрешение реальных судебных споров. Отсутствие нормативного закрепления понятия «домашнее насилие», на наш взгляд, не является пробелом в законодательстве. Вместе с тем в целях решения задач, стоящих перед нашим исследованием, предлагаем определять домашнее насилие как совершаемое в домашней (бытовой) обстановке воздействие, физическое либо психологическое, осуществляемое помимо воли и желания объекта такого воздействия (ребенка) и наносящее вред его физическому или психическому развитию.

Совершение преступления и лишение родительских прав: проблема соотношения

На протяжении многих лет сложной для правоохранительной практики проблемой оставалось решение вопроса о допустимости лишения лица его родительских прав в случае совершения им умышленного преступления.

С 1 марта 1996 года по 10 января 2016 года основанием для лишения родительских прав, согласно Семейному кодексу, могло служить лишь совершение родителем умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, а также против жизни или здоровья супруга (супруги). Это положение, закрепленное в ст. 69 СК РФ, налагало достаточно жесткие рамки на правовые возможности защиты детей путем лишения отца или матери родительских прав, причем именно в тех случаях, когда оно объективно продиктовано заботой об интересах и здоровье ребенка.

В ходе научных дискуссий справедливо отмечалось, что причинить вред ребенку могут не только умышленные преступные действия родителя, направленные против его жизни или здоровья. «Ребенок, – пишет О.О. Кузеванова, – может быть травмирован морально и в случаях, когда умышленное преступление родителя совершено против жизни или здоровья его самого, иных близких родственников (бабушки, дедушки), а также другого родителя (или его отчима, мачехи), с которыми родитель, совершивший преступление, может и не состоять в зарегистрированном браке, то есть не иметь статуса «супругов»» [6, с. 106-107].

Осознав наличие этой проблемы, законодатель принял Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который значительно изменил, а точнее – расширил, трактовку понятия «совершение умышленного преступления» применительно к правилам, касающимся лишения родительских прав. С 10 января 2016 года ст. 69 СК РФ действует в новой редакции. И сегодня родитель может быть лишен родительских прав, если он совершил умышленное преступление против жизни или здоровья не только своих детей или супруга (супруги), но и другого родителя детей (не являю-

щегося его супругом/супругой), а равно супруга (супруги), не являющегося (не являющейся) родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Иными словами, законодатель все-таки нашел решение проблемы защиты ребенка путем лишения его родителя, совершившего умышленное преступление, родительских прав в тех случаях, когда родители не состоят или никогда и не состояли в зарегистрированном браке (что сегодня бывает достаточно часто), а равно в ситуациях, когда умышленное преступление совершено против лиц, не являющихся родителями ребенка, но входящих в близкий круг его общения, будучи для него значимыми взрослыми. Это решение законодателя ученые связывают с желанием и необходимостью снизить остроту такой крайне серьезной социальной проблемы, как семейное насилие [7, с. 229].

Осуждение к лишению свободы родителя как основание ограничения (лишения) родительских прав

Лишение свободы как одна из разновидностей уголовного наказания объективно предполагает установление для гражданина ограничений, и часть из них связана с невозможностью в полной мере реализовывать свои родительские права и обязанности. Вместе с тем сегодня Семейный кодекс прямо не называет лишение свободы в качестве самостоятельного основания для ограничения либо лишения родительских прав. И это значит, что родительские права и обязанности, по общему правилу, сохраняются за родителями, которые находятся в местах лишения свободы. Соответственно, в этой ситуации возникает коллизия, связанная с тем, что такие родители объективно не могут полноценно заниматься воспитанием своего ребенка. Несмотря на это, их родительские права не подлежат ущемлению.

По мнению некоторых исследователей, совершение умышленного преступления может выступать основанием для ограничения лица в родительских правах в соответствии со ст. 73 СК РФ [8, с. 29]. Однако в Семейном кодексе перечень оснований, при наличии которых родительские права могут быть ограничены, сформулирован максимально четко и недвусмысленно. Таковыми являются:

- оставление ребенка с родителями (или с одним из них) опасно для него по причинам, не зависящим от родителей (или от одного из них) (например психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др.);

- оставление ребенка с родителями (или с одним из них) опасно для него вследствие их поведения, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (или одного из них) родительских прав (п. 2 ст. 73 СК РФ).

На наш взгляд, при буквальном толковании закона весьма затруднительно усмотреть в лишении родителя свободы одно из оснований, описанных в приведенных выше формулировках. И это обстоятельство в настоящее время формально препятствует рассмотрению лишения свободы

в качестве причины для ограничения лица в его родительских правах.

Другие ученые, например К.В. Шиманчик, полагают, что лишение свободы может быть основанием для лишения родительских прав. Однако в этом случае суду «предстоит выяснить, какие меры данное лицо предприняло для надлежащего исполнения возложенных обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка». «Если до помещения под стражу лицо не исполняло родительские обязанности и в период нахождения под стражей данное поведение не изменилось, вопросов об основаниях лишения родительских прав у суда не возникнет» [9, с. 26-27].

Однако такой подход к решению проблемы вызывает у нас серьезные сомнения. Статья 69 СК РФ допускает лишение родительских прав в случаях, когда родители (или один из них):

- уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов. Это может выражаться в отсутствии заботы родителей о здоровье детей, об их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении (пп. «а» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (далее – Постановление № 44));

- отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций;

- злоупотребляют своими родительскими правами. В качестве злоупотребления можно рассматривать использование этих прав в ущерб интересам детей: создание препятствий к получению ими общего образования, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной продукции и наркотических средств или психотропных веществ, вовлечение в азартные игры, в деятельность организаций, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности (пп. «в» п. 16 Постановления № 44);

- жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность;

- являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией, что подтверждается медицинскими документами (пп. «д» п. 16 Постановления № 44);

- совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являю-

щегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Эти формулировки Семейного кодекса однозначно указывают на то, что лишение свободы как уголовное наказание само по себе не может быть достаточным основанием для лишения родителя его родительских прав. Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые исследователи пытаются оспаривать этот тезис. «Нельзя согласиться, – пишет К.В. Шиманчик, – что сам факт нахождения в местах лишения свободы является уважительной причиной уклонения от исполнения родительских обязанностей» [9, с. 27-28]. Впрочем, четко сформулированной позиции судов по этому поводу в настоящее время нет. Иными словами, вопрос о признании лишения свободы основанием для ограничения (лишения) родительских прав не имеет ответа: проблема фактически решается судами индивидуально в каждом конкретном случае¹.

Причины высокого уровня домашнего насилия и перспективы совершенствования в связи с этим нормативной базы

Домашнее насилие является серьезной проблемой практически в любом государстве. К сожалению, весьма часто случается, что родители допускают жестокое обращение со своими детьми, в том числе физическое насилие и психологическое давление. Но, несмотря на всю очевидность потребности в исправлении ситуации, проблема далека от полноценного разрешения. Почему так происходит?

По мнению Н.И. Пишкиной, есть несколько причин такому положению дел. Одна из них – это отсутствие единой системы сбора и регистрации информации о случаях семейного насилия, вследствие чего невозможно более-менее объективно оценить его масштабы, а потому не получается и выработать действенные меры предупреждения [10, с. 43]. Здесь отметим, что с течением времени инструментарий учета преступлений, совершаемых в домашней обстановке, развивается. Так, например, «с 2021 года при отражении числа преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве, стали учитываться преступления, совершаемые сожителями» [11, с. 238]. И это, безусловно, является показателем позитивных тенденций в осуществлении деятельности по борьбе с домашним насилием правовыми средствами.

Другая причина заключается в том, что в России так и не принят закон о предупреждении семейного насилия, «хотя специалисты давно предлагают проект подобного нормативного акта» [10, с. 43]. Актуальность проблемы никем не оспаривается, и обсуждается она достаточно активно. В результате дискуссий, развернувшихся в 2019-2020 годах, был разработан законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Однако ввиду сложности и комплексности проблемы домашнего насилия в целом, наличия множества мнений по поводу организации противодействия ему, которые подчас

¹ См., например, решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 22.05.2018 по делу № 2-2735/2018; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 11.09.2018 по делу № 2-4063/2018.

оказываются прямо противоположными, закон, к сожалению, так и не был принят [11, с. 234]. Поэтому сегодня вопросы борьбы с насилием в семейно-бытовой сфере, хотя, безусловно, и не остаются «за бортом» правового регулирования, затрагиваются законодательством весьма фрагментарно, и вести речь о полной их регламентации пока рано.

Сегодня, как и десять лет назад, причины детского домашнего насилия в Российской Федерации оцениваются крайне противоречиво. «С одной стороны, – рассуждает Н.И. Пишикина в научной статье, опубликованной в 2016 году, – россияне в большинстве своем нетерпимы к жестокому обращению с детьми и равнодушны к страданиям ребенка... С другой стороны, ... телесные наказания в качестве воспитательной меры применяют в каждой второй семье, и лишь половина опрошенных считает их недопустимыми» [10, с. 43-44]. Вместе с тем сейчас уверенно можно говорить «о смягчении методов семейного воспитания – на молодых родителей большое влияние оказывает психологически ориентированная медийная повестка. ... Так, в результатах опроса 2024 года значительно уменьшилась доля респондентов, считающих себя строгими родителями (3% против 12% в 2019 году), 24% считают себя мягкими, нетребовательными родителями (17% в 2019 году), снизилась ... доля положительных ответов на вопрос о применении физического наказания детей» [12, с. 71-72].

Подчеркнем, что затруднения в борьбе с домашним насилием, связанные с социокультурным контекстом, ценностными ориентациями и воззрениями общества на воспитание ребенка (а их изменить по воле законодателя просто невозможно) постепенно преодолеваются. Однако по-прежнему необходимо активно и широко обсуждать данную проблематику, только в этом случае удастся сохранить и укрепить тренд на смягчение методов семейного воспитания, прийти к более-менее консолидированному во всероссийском масштабе мнению по вопросам профилактики домашнего насилия. И речь не идет о подрыве традиционных национальных семейных ценностей. Наоборот, сначала необходимо глубоко изучить устоявшиеся в обществе взгляды на воспитание ребенка и лишь затем на основе результатов такого исследования вносить изменения в законодательство. В противном случае, какими бы ни были законодательные новации, они не будут восприняты, правоприменитель не сможет эффективно использовать то, что «чужеродно» российскому менталитету и традициям.

Приведенные выше доводы наглядно показывают, что проблема домашнего насилия является весьма многогранной [13, с. 26] и из-за этого очень сложной. Ее решение лежит в междисциплинарной плоскости, причем здесь не только важны сами по себе инструменты частного и публичного права [14, с. 49-50], но еще и необходима их синхронизация с воззрениями общества на методы воспитания ребенка [15, с. 117].

Вместе с тем считаем, что сегодня пора поставить на обсуждение вопрос о возможности лишения родительских прав в случаях

осуждения за совершение актов домашнего насилия, которые квалифицируются российским законодательством как преступления (главным образом речь идет о ст. 156 УК РФ), в качестве наказания или иной меры уголовно-правового характера. По нашему мнению, если говорить о таком семейном насилии, когда родитель несовершеннолетнего совершает преступление, то вопрос о лишении его родительских прав должен рассматриваться автоматически и, вероятно, именно в рамках уголовного судопроизводства. В этом случае уголовно-правовыми средствами будет обеспечиваться максимально сбалансированная защита прав и интересов всех участников процесса (а именно членов одной семьи – ребенка и его родителей). Иначе несовершеннолетний, его жизнь и достоинство, защита его прав и интересов оказываются в зависимости от того, подаст ли его родитель (или иной родственник, или уполномоченный орган) заявление в суд о лишении родительских прав родителя-преступника.

Безусловно, комплекс рассматриваемых нами вопросов подлежит скрупулезной детальной проработке. Ее объективно невозможно было полноценно осуществить в рамках исследования, результаты которого представлены в статье. Его цель заключалась в том, чтобы обозначить проблему, указать возможные направления дальнейшего анализа. Особое внимание требуется уделить перечню составов преступлений, при совершении которых применение такой меры воздействия на преступника, как лишение родительских прав, может быть целесообразно и соразмерно причиненному деянием ущербу, а также установить, в каких случаях оно будет чрезмерно строгим наказанием. Уверены в том, что совершенствование законодательства в этом направлении позволит повысить эффективность правовых инструментов, применяемых для противодействия домашнему насилию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время проблемы домашнего насилия и жестокого обращения с детьми по-прежнему не теряют своей остроты. Одним из механизмов защиты ребенка от насилия и жестокости являются такие меры семейно-правовой ответственности, как ограничение и лишение родительских прав. Несмотря на актуальность вопросов организации противодействия домашнему насилию, далеко не все из них в достаточной степени проработаны как доктринально, так и в правоохранительной практике. По нашему мнению, это обусловлено тем, что проблема домашнего насилия в отношении несовершеннолетних является очень многогранной, поиск ее решения тесным образом связан с воззрениями общества на методы воспитания ребенка. И поэтому эффективность такой деятельности во многом зависит от готовности общественности обсуждать данную проблему и стремиться к выработке консенсуса.

В российском праве нет единого понимания того, что такое домашнее насилие. К счастью, это пока не оказывает сколь-либо существенного влияния на правоохранительную практику и разрешение реальных жизненных ситуаций.

Представляется, что вопрос носит доктринальный характер, и ответ на него должен быть найден учеными в результате проведения исследований.

Отметим также, что продолжаются дискуссии о возможности нормативного закрепления такого основания для лишения родительских прав, как совершение преступления. Законодатель с 2016 года существенно приблизился к этому, расширив трактовку понятия «совершение умышленного преступления» применительно к правилам, касающимся лишения родительских прав. Теперь такое обстоятельство, как наличие/отсутствие зарегистрированного брака родителей, не влияет на защиту ребенка, который стал жертвой или свидетелем умышленного преступления, совершенного его родителем. Считаем, что уже настало время сделать следующий шаг: поставить на обсуждение вопрос о том, что в случаях совершения некоторых преступлений лишение родительских прав может рассматриваться в качестве наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Это предложение требует детальной и глубокой проработки, но без его принятия эффективно противодействовать домашнему насилию будет достаточно сложно.

Нерешенным в законе и неоднозначным с точки зрения правоприменительной практики остается, кроме того, вопрос о квалификации осуждения родителя с назначением ему наказания в виде лишения свободы как основания для ограничения или лишения родительских прав. Этот вопрос решается судами индивидуально в каждом конкретном судебном споре, что свидетельствует о несформированности четких единообразных подходов к правовой оценке таких ситуаций. ■

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424 «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» // URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00424/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Щепельков В.Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // КриминалистЪ. 2022. № 2 (39). С. 95-103.
2. Петрова Д.С. Ограничение и лишение родительских прав как способы противодействия домашнему насилию // КриминалистЪ. 2024. №3 (48). С. 50-57.
3. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др.; пер. с англ. М: Весь Мир, 2003. 376 с.
4. Гармаш А., Сулова И. Защита детей от жестокого обращения и насилия // ЭЖ-Юрист. 2012. № 29. С. 15.
5. Беспалов Ю.Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1. С. 21-25.
6. Кузеванова О.О. Совершение родителями преступления как основание лишения родительских прав // Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск, 2016. С. 106-108.
7. Мельникова М.Б. Совершение преступления в семье как основание для лишения родительских прав // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-2. С. 229-230.
8. Юнусова К.В., Юнусов М.А., Умари Х.А. Основания утраты родителями родительских прав и обязанностей с учетом специфики лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (анализ законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Национальная ассоциация ученых. 2018. № 40. С. 27-29.
9. Шиманчик К.В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней мере семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26-29.
10. Пишикина Н.И. Правовое обеспечение безопасности ребёнка в семье по законодательству Российской Федерации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 1 (40). С. 39-45.
11. Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3. С. 232-244.
12. Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 64-78.
13. Носова И.Ю. К проблеме нарушения прав ребенка // Семейное и жилищное право. 2009. № 6. С. 23-26.
14. Шикула И.Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере // Российский следователь. 2020. № 3. С. 48-51.
15. Крутихина П.В. Декриминализация домашнего насилия: три года спустя // Закон. 2019. № 12. С. 112-119.

REFERENCES

1. Shchepel'kov V.F. Protivodeystviye domashnemu nasiliyu v Rossiyskoy Federatsii: sostoyaniye i perspektivy // Kriminalist". 2022. № 2 (39). S. 95-103.

2. Petrova D.S. Ogranicheniye i lisheniye roditel'skikh prav kak sposoby protivodeystviya domashnemu nasiliyu // *Kriminalist*". 2024. №3 (48). S. 50-57.
3. Nasiliye i yego vliyaniye na zdorov'ye. Doklad o situatsii v mire / Pod red. E.G. Kruga i dr.; per. s angl. M: Ves' Mir, 2003. 376 s.
4. Garmash A., Suslova I. Zashchita detey ot zhestokogo obrashcheniya i nasiliya // *EZH-Yurist*. 2012. № 29. S. 15.
5. Bespalov Yu.F. Semeynoye nasiliye v Rossiyskoy Federatsii kak porok zhizni i deyatel'nosti sem'i i yeye chlenov: sotsial'no-pravovoy aspekt // *Notarius*. 2019. № 1. S. 21-25.
6. Kuzevanova O.O. Soversheniye roditelyami prestupleniya kak osnovaniye lisheniya roditel'skikh prav // *Sostoyaniye, dinamika i tendentsii prestupnosti v semeyno-bytovoy sfere. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Gorno-Altaysk, 2016. S. 106-108.*
7. Mel'nikova M.B. Soversheniye prestupleniya v sem'ye kak osnovaniye dlya lisheniya roditel'skikh prav // *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyam*. 2018. № 18-2. S. 229-230.
8. Yunusova K.V., Yunusov M.A., Umari Kh.A. Osnovaniya utraty roditelyami roditel'skikh prav i obyazannostey s uchetom spetsifiki lits, otbyvayushchikh nakazaniye v vide lisheniya svobody (analiz zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tadzhiqistan) // *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 2018. № 40. S. 27-29.
9. Shimanchik K.V. K voprosu o lishenii roditel'skikh prav kak krayney mere semeyno-pravovoy otvetstvennosti // *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*. 2020. № 2. S. 26-29.
10. Pishikina N.I. Pravovoye obespecheniye bezopasnosti rebonka v sem'ye po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2016. № 1 (40). S. 39-45.
11. Shchepel'kov V.F., Savin S.D., Timoshina Ye.M. Domashneye nasiliye v Rossiyskoy Federatsii (sostoyaniye, problemy kriminologicheskoy otsenki) // *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 2024. T. 18. № 3. S. 232-244.
12. Savin S.D., Shchepel'kov V.F., Sidorova A.N. Domashneye nasiliye kak sotsial'naya problema v rossiyskom obshchestve: mezhdru privatnost'yu i publichnost'yu // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2025. T. 25. № 1. S. 64-78.
13. Nosova I.Yu. K probleme narusheniya prav rebenka // *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*. 2009. № 6. S. 23-26.
14. Shikula I.R. Aktual'nyye problemy ugolovno-pravovoy okhrany prav i svobod poterpevshego, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii, ot nasiliya v semeyno-bytovoy sfere // *Rossiyskiy sledovatel'*. 2020. № 3. S. 48-51.
15. Krutikhina P.V. Dekriminalizatsiya domashnego nasiliya: tri goda spustya // *Zakon*. 2019. № 12. S. 112-119.

© Петрова Д.С., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Петрова Д.С. Ограничение и лишение родительских прав как способы борьбы с домашним насилием // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 3 (81). С. 120-126.